

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

НЕПРИКАСАЕМЫЙ
ЧИН

Кирилл Казанцев

Неприкасаемый чин

Серия «Антикор»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977260

Кирилл Казанцев. Неприкасаемый чин: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62256-6

Аннотация

В небольшом промышленном городке объявился маньяк-насильник. Но маньяк не обычный, а высокопоставленный. Он никого не боится, передвигается по городу на сияющем черном лимузине и, не скрываясь, выискивает жертв – молоденьких девушек. Полицейские смотрят на «забавы» богача сквозь пальцы: им приказано насильника не трогать, а потерпевшие и свидетели без поддержки правоохранительных органов сделать ничего не могут. Но все меняется, когда о высокопоставленном маньяке становится известно руководителю тайной антикоррупционной организации генералу Дугину. Он отправляет в провинциальный городок одного из своих лучших агентов...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	55
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кирилл Казанцев

Неприкасаемый чин

Глава 1

Андрей Ларин вырулил на своем черном мотоцикле к стоянке. Все места были заняты. Но верный двухколесный друг агента тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти имел явное преимущество даже перед миниатюрными легковыми машинами – сити-карами. Его можно было припарковать практически где угодно.

Столичный Китай-город – место, где в старых домах расположено множество офисов. Временами даже владельцы зданий не знают толком, кто и зачем берет у них в аренду помещения. По документам может числиться один арендатор, а площади занимать другой. Владельцу все равно, лишь бы платили исправно и не создавали проблем.

С мотоциклетным шлемом в руке Ларин шагнул в холл одного из таких старых домов. Девушка-администратор встретила его дежурной улыбкой, а два охранника у лифта – предельно настороженными взглядами.

– Добрый день. Чем могу вам помочь? – поинтересовалась девица с минимумом косметики на лице и в строгом деловом костюме.

Ларин машинально отметил, что она носит тонированные контактные линзы – ну не могут же быть глаза от природы такого пронзительно зеленого цвета.

– Я к Валентину Павловичу – к психоаналитику, у меня назначен сеанс.

Зеленоглазая защелкала клавишами компьютера, согласнo кивнула.

– Проходите.

Пришлось миновать рамку металлодетектора. Один из охранников вдавил кнопку лифта и зашел в кабинку вместе с Лариным. Лифт был не простой, вместо кнопок этажей виднелись пронумерованные замочные скважины. Охранник вставил ключ в отверстие с цифрой три. Кабинка тронулась.

– По коридору налево, до самого конца, – подсказал он дорогу, когда двери лифта вновь разошлись.

Андрей поблагодарил охранника кивком и зашагал по коридору, вдоль стен которого тянулся ряд солидных дверей. В простенках висели картины в жанре современного искусства. Его шаги тонули в мягком ворсе ковра.

«Недурно тут все обставлено, – оценил обстановку Андрей. – За одни только интерьеры без других услуг с посетителей можно деньги брать. Услугами модных психоаналитиков бедные люди не пользуются».

Последняя дверь матово поблескивала полировкой, на ней золотилась начищенная табличка с несколько старо-

модной гравировкой: «РУДНЕВ Валентин Павлович. ПСИХОАНАЛИТИК». Андрей открыл дверь и зашел в приемную. Тут стоял огромный кожаный диван-бегемот, темнела огромная выключенная плазма на стене. Росла пара экзотов в вазонах. В клетке на подставке весело чирикала канарейка. Дверь кабинета открылась. На Ларина строго посмотрел из-за стекол очков моложавый мужчина с импозантной бородой.

– Здравствуйте, проходите, – предложил он, косясь на мотоциклетный шлем.

По традиции настоящая фамилия клиента оставалась для психоаналитика неизвестной, в общении пользовались или псевдонимом, или же одним именем.

– Доброго дня. Я, знаете ли, в наших московских условиях для передвижения по городу предпочитаю мотоцикл. Никаких проблем с пробками и парковкой. Очень удобно.

– Похвально. Итак, что вас привело ко мне? На первом сеансе сложно разговаривать. Поэтому сперва поговорим о самых простых вещах. Постарайтесь быть со мной максимально откровенны – это в ваших же интересах. Чем откровенней вы будете, тем проще докопаться до сути вашей проблемы. Ложитесь на кушетку, можете не смотреть на меня. Только отвечайте на мои вопросы. Все, что вы скажете, разумеется, останется исключительно в этих стенах. Никаких записей разговоров с клиентами я не веду. Полная конфиденциальность – мой непререкаемый принцип... – журчал, ввора́чи-

вался тонкой струйкой в мозг вкрадчивый голос психоаналитика.

– Вот это правильно, – похвалил Ларин. – Конфиденциальность – превыше всего, – в его кармане уже давно работал включенный диктофон.

В пользу психоаналитических сеансов Ларин верил так же слабо, как и в существование жизни на Марсе. Андрей справедливо считал психоаналитиков проходимцами, выкачивающими из богатых клиентов деньги. Особых психологических проблем и маний, с которыми он не мог бы справиться без посторонней помощи, Андрей за собой не замечал. В этот кабинет его привело другое: задание, которое поставил перед ним руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти – Павел Игнатьевич Дугин.

– Я пока постою, – улыбнулся Андрей и положил на кушетку мотоциклетный шлем. – И, вообще, на сегодняшний день мы поменяемся ролями. Спрашивать буду я. А вы – отвечать мне с полной откровенностью.

Затем Ларин абсолютно спокойно достал из кармана пистолет с глушителем и направил ствол на психоаналитика. Тот имел немалое самообладание, лишь удивленно приподнял брови.

– Как вы пронесли оружие? Там же металлодетектор, – поинтересовался Руднев. – Выходит, я зря доплачиваю владельцу здания за охрану?

– Керамика, ее ни один металлодетектор не берет, – охотно пояснил Андрей. – Дорогая штука, но себя оправдывает. Такими пользуются израильские спецслужбы. Но мы уклонились от темы.

– Деньги в офисе я не держу, – предупредил психоаналитик.

– Вы не умеете угадывать мысли. Мой пистолет стоит больше, чем ваши гонорары за месяц. И разве я похож на банального грабителя? – Ларин свободной рукой вытащил из кармана фотографию мужчины и показал ее психоаналитику. – Это один из ваших пациентов. С какой проблемой он к вам обратился?

– Это врачебная тайна. Вы б еще к его духовнику наведались за тайной исповеди, – чуть дрогнувшим голосом ответил Руднев.

Ларин выразительно повел стволом пистолета, напоминая о том, что может и выстрелить. Он и сам не знал, кто такой мужчина, изображенный на фотографии, где он живет и чем занимается. Просто Дугин дал ему задание выудить все, что знает о нем психоаналитик.

– Будет надо, наведуясь и к духовнику, – улыбнулся Ларин. – Считаю до трех.

Психоаналитик колебался, затем махнул рукой.

– Черт с вами. Жизнь дороже. Хотя подозреваю, что вы не стали бы меня убивать.

– Правильное решение, – похвалил Андрей. – А вот на-

счет последнего я не уверен.

– Я не знаю его имени и фамилии. При общении обращаюсь к нему Атлет, он сам так просил. Интеллекта в смысле образования и интеллигентности у него «ноль». Но по звериному сообразителен. Похоже, бывший бандит, а теперь занимается каким-то крупным бизнесом. Явно живет в провинции. Когда говорит, то делает частые паузы, наверняка вставляет про себя матерные слова. Когда же разговорится, то матерится уже вслух.

– Меня интересует, в чем его проблема, – напомнил Андрей.

– Прогрессирующий алкоголизм, но это его абсолютно не волнует. А вот проблема у него деликатного свойства. Сексуальная, – говорил психоаналитик и косился на ствол пистолета. – Не стоит у него при определенных обстоятельствах.

– Вот это уже ближе к делу. И какие же это обстоятельства? Чем они определяются?

– Если женщина сама ему отдается, то он теряет к ней всякий сексуальный интерес. Лишь когда он насилует, когда ему всерьез сопротивляются, то наступает эрекция. Его заводит насилие. На этой почве серьезные проблемы с женой.

– Значит, он по-настоящему насилует? – уточнил Ларин.

– Да, раз в неделю он выезжает в город и насилует незнакомых женщин, обычно молоденьких. Назвать его маньяком нельзя. Он все же не убивает и вполне отдает себе отчет в том, что делает. Это как с алкоголем. Жертв, повторюсь, он

не убивает.

– Каким образом это сходит ему с рук? Почему он до сих пор на свободе?

– Как я понимаю, у него солидное положение и связи в родном городе. Дело или заминают, или же он откупается от женщин.

– И он пришел к вам, чтобы избавиться от этой проблемы?

– Не совсем. Изнасилования для него в норме вещей, отказываться от них он не собирается. Удовольствие, страсть, вроде охоты или рыбалки. Он просто хотел, чтобы и с женой у него в постели получалось.

– Что вы ему посоветовали?

Психоаналитик криво ухмыльнулся.

– Практиковать с супругой разные ролевые сексуальные игры. Но это все равно что мертвому припарки. Ведь проблема с эрекцией у него родом из детства. Дело в том, что рос он без отца, с отчимом...

Рассказать душещипательную историю о тяжелом детстве насильника Руднев не успел. В приемной послышались осторожные шаги. Ларин мгновенно сориентировался, понял, что в кабинете установлена камера наблюдения. Вот охрана и засекла его с оружием в руке.

– Тут видеокамера? – тихо спросил Ларин.

Руднев кивнул и показал взглядом, где именно.

– Это они настояли.

Охранник с пистолетом в руке медленно приближался к

приоткрытой двери. Второй страховал его, идя слева и чуть позади. Ларин дождался нужного момента и ударил в дверь ногой. Массивное дубовое полотно впечаталось охраннику в лицо, опрокинув его на пол. После этого Ларин тут же закрыл дверь на замок. С другой стороны послышались удары и мат, штукатурка посыпалась с косяков, но тот, кто ставил дверь, сработал на совесть, она не поддавалась, во всяком случае пока.

– Значит, все сказанное при вас остается в этих стенах, – процитировал недавние слова модного в Москве психоаналитика Ларин.

Руднев развел руками. Мол, безопасность, сами понимаете. С каждой секундой ситуация могла испортиться окончательно. Андрей понимал, что ему еще повезло. Охрана здания понадеялась на собственные силы и не вызвала полицию. Иначе бы под окнами слышалось завывание сирен. По большому счету Андрей уже получил от Руднева нужную информацию, и можно было уходить. Но сделать это тем путем, каким он попал в кабинет, уже не представлялось возможным.

Удары в дверь прекратились.

– Господин Руднев, отойдите в сторону. Сейчас начнут стрелять в замок, – посоветовал Андрей.

Так и случилось. Раздалась пара выстрелов, дверь в районе замка ощерилась щепками. Ларин прикинул, что именно сейчас дверь попытаются выбить, а значит, стрельбы пока не будет. Он рванул к окну, распахнул его. Третий этаж

старого дома – высокогато для прыжка на асфальт. В дверь ударили чем-то тяжелым, полотно захрустело, но еще держалось.

«Наверное, тумбочку схватили, вот и бьют ею», – машинально отметил Андрей.

Он схватил шлем, вскочил на большой письменный стол, разбежался и, оттолкнувшись ногой от подоконника, выпрыгнул в окно. Андрей еще успел услышать испуганный крик Руднева и грохот падающей двери. Расчет оказался верным. Ларин рухнул на крышу припаркованного у тротуара микроавтобуса. Жесть вогнулась, посыпались вылетевшие стекла.

– Стой, бя! – кричал кто-то сверху.

Андрей, особо не целясь, выстрелил. Пистолет хоть и был из керамики, но стрелял травматическими пулями. Убивать Ларин никого не собирался. Какое отношение к его с Дугиным делам имеет охрана здания? Мужики просто работают как умеют. Да и модный психоаналитик, хоть и проходимец, но не более того. От главного входа в здание к микроавтобусу уже бежали двое охранников, на ходу выхватывая пистолеты. Ларин дважды выстрелил, чтобы их немного задержать, соскользнул на землю и вскочил в седло мотоцикла. Взревел мощный мотор.

С поднятым над асфальтом передним колесом Андрей пронесся мимо охранников, пригнулся и опустил мотоцикл. За ним уже мчалась машина. Высунувшийся чуть ли не по

пояс из окна охранник стрелял и матерился. Главное сейчас было оторваться. Ларин прекрасно знал, как это сделать. Он всегда придерживался железного правила, сформулированного еще в детской книге «Алиса в Зазеркалье»: «Прежде чем войти в дом, подумай, как из него выйти».

Автомобиль настигал. Водитель явно собирался ударить бампером по заднему колесу мотоцикла. Ларин дразнил его, что бы тот не догадался об истинном плане: то притормаживал, вселяя в преследователей надежду, то ускорялся. Так миновали еще один квартал Китай-города.

Затем Андрей неожиданно резко заложил вираж и ушел вправо, ловко разминувшись с перегораживавшими улицу бетонными цветочными кашпо. Автомобиль, повторивший маневр, не вписался в зазор между тумбами и врезался бампером в бетон. А Ларин уже мчал по пешеходному мосту через Яузу. Особо не спешил, все-таки на мосту были люди.

Мотоцикл соскользнул с высокого бордюра и влился в поток машин. Ларин легко провел его между ползущих черепашьими темпами автомобилей, миновал пару кварталов, заехал во двор. Место выбрал не наобум – присмотрел его заранее. Заехав в арку, ведущую в соседний двор, он заглушил мотор и уже вручную докатил мотоцикл до мусорных контейнеров, спрятал его за стенкой из пеноблоков, накрыл разорванным картонным ящиком от холодильника. Над подъездом в доме напротив имелась камера наблюдения, установленная жильцами, чтобы иметь возможность на-

блюдовать за тем, как играют во дворе их дети. Так что люди Дугина с ее помощью вполне могли отследить, обнаружат мотоцикл или нет. Если будет устроена засада, то за машиной никто не придет. Нет – Ларин вернется за ним завтра.

Сбросив мотоциклетную куртку и затолкав ее в бумажный пакет с названием модного бутика, Андрей неторопливо вышел на улицу и влился в толпу прохожих. Убедившись, что слежки за ним нет, Ларин отправил sms-сообщение и спустился в метро.

Через полчаса он уже садился в речной трамвайчик. Поднялся на верхнюю палубу. На следующей пристани в тот же самый трамвайчик сел и немолодой мужчина с мясистым лицом – сам Дугин.

* * *

Глядя на Павла Игнатьевича Дугина, невозможно было себе представить, что он возглавляет, ни много ни мало, мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру. В отличие от большинства подобных организаций она не ставила перед собой цели свержения действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составляли честные офицеры

силовых структур, которые еще не забыли такие старомодные понятия, как «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную плату. Коррупция в России – это стиль жизни...

Начиналось все несколько лет назад, как обычно, с самого малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, влиятельный силовик Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывала самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще и еще...

Заговор – это необязательно одеяла на окнах, зашитая за подкладку шифровка, надписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие ее членов. Доверительные отношения между заговорщиками возникли сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нере-

ально – та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и самое главное – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее ярых коррупционеров. Точечные удары вызывали у тех естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти самоубийства далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, причем не только в Москве, но и на периферии. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим поводом для страха, чем сами акции.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал один лишь Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – как известно, у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны

«Красная шапочка», бежавшему оттуда не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль такого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта Андрею было не занимать. Он умел быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до полномочного представителя президента – тоже. Профессиональные навыки естественно были на высоте. Все, причастные к тайной антикоррупционной структуре, проходили занятия по стрельбе, спецвождению, безопасности в Интернете и даже прикладной химии...

Павел Игнатьевич прошел по палубе водного трамвайчика и опустился на сиденье рядом с Лариным.

– Ну что, вредитель? – поинтересовался он.

– Ну почему же так сразу и вредитель? – пожал плечами Ларин.

– А потому, что не сумел все тихо сделать. Не мог без стрельбы в центре города, прыжков из окна и езды по пешеходному мосту обойтись?

– Так получилось. Честно говоря, не думал, что в кабинете психоаналитика может стоять камера наблюдения. Там же о самых сокровенных вещах не последние в нашей стране

люди говорят.

– Вот именно за этими сокровенными вещами я тебя туда и послал, – недовольно проговорил Дугин. – Хорошего агента не должно быть видно и слышно. Он, как призрак, сквозь стены проходит, в зеркале не отражается, камерами не фиксируется и исчезает бесследно. Это ты должен усвоить.

– Кое-что из этого и я умею делать, – проговорил Ларин. – То, за чем вы меня посылали, добыл, – он передал Павлу Игнатьевичу диктофон и вернул фотографию.

Дугин поднес диктофон к уху и принялся слушать запись, при этом кривил губы. То ли его коробило услышанное, то ли не считал информацию стоящей. Андрей тем временем смотрел на реку, на круживших в кильватере речного трамвайчика чаек. Город с воды всегда кажется необычным, не таким, каким его привык видеть каждый день. Он становится как бы торжественнее, наряднее. Лучшие и самые беспроblemные пассажиры в Москве – это пассажиры водных трамвайчиков. Ведь ими практически никто не пользуется как транспортом. Это всегда прогулка. А потому и лица у людей улыбчивые, счастливые. Много детей, влюбленных парочек. Как-то не хотелось думать про плохое. Например, про то, что где-то разгуливает мерзавец-насильник, которому все сходит с рук...

– Эй, Андрей, очнись, – позвал Дугин. Диктофон он уже выключил, значит, запись прослушал. – Хорошая работа, несмотря на то что сделал ты ее очень грязно.

– Не всегда удается работать чисто, особенно, когда копаешься в дерьме, – возразил Андрей.

– Тут ты не прав. Ко мне на прошлой неделе приходили два сантехника новый унитаз устанавливать, приперлись в вечерне-выходных костюмах, белых рубашках и при галстуках – им вечером на юбилей предстояло идти. Только слегка рукава пиджаков поддернули и взялись: один – за перфоратор, другой – раствор замешивать. Старый унитаз сняли, новый поставили в лучшем виде. И... даже не запачкались.

– Может, это парни из спецслужбы к вам наведались, микрофоны и камеры тайно ставить? – засомневался Ларин.

– Парни из спецслужб чисто работать вообще не умеют. Ни с подслушкой, ни с наружкой, ни тем более с унитазами, – сразу же отверг подобную возможность Дугин. – А твоя информация неплохая, есть за что зацепиться.

– Так кто он, этот урод? – поинтересовался Андрей.

– В свое время, может, и узнаешь.

Дугин, конечно, был гением конспирации, иначе организацию по борьбе с коррупцией уже давно бы вычислили и ликвидировали. Но иногда Ларину казалось, что Павел Игнатьевич перебирает в этом смысле. Это было в его духе. Информацию собирает один человек, а использует уже другой, который и понятия не имеет, каким образом информация добыта.

– Знаю, о чем ты думаешь, – ухмыльнулся Дугин. – А теперь попробуй догадаться, о чем думаю я.

– Считаете, что Руднев записывает душещипательные разговоры со своими пациентами?

– Именно об этом я и думаю, – улыбка Дугина стала еще шире. – Он модный психоаналитик. И очень дорогой. К нему ходит солидная публика. Среди его пациентов немало высокопоставленных чиновников, силовиков, бизнесменов. Короче говоря, наших с тобой подопечных – из группы коррупционного риска. И вот, представь себе, они без всякого защемления яиц в двери, без битья молотком по пальцам, без засунутого в анус жала электрического паяльника признаются в самых сокровенных вещах, о которых даже на исповеди молчат.

– Думаете, наш контингент часто в церковь ходит? – засомневался Ларин.

– Человек с черной душой чаще праведника крестится, – глаза Дугина озорно блеснули. – Уж очень навязчиво Руднев в разговоре с тобой подчеркивал, что ничего не записывает, что обеспечивает полную конфиденциальность. А я рекламе никогда не верю. Записывает он все разговоры, это же сдохнуть-умереть – все в памяти держать. Интересный архивчик у него собрался. Хотелось бы туда не одним глазком заглянуть, а неторопливо покопаться. Рискнешь еще раз? Только уж постарайся теперь без лишнего шума.

– Запросто, – пообещал Ларин. – Но только мне небольшая помощь понадобится.

– Для святого дела пособию. Люди тебе нужны или тех-

ника?..

Естественно, что Рудневу из-за инцидента пришлось отменить двух последних посетителей. Хотя они за сеансы и проплатили заранее. Вместо того чтобы беседовать с пациентами, психоаналитику довелось общаться со следователем. Тот прохаживался по кабинету. Эксперт-криминалист только что закончил работу и удрученно доложил:

– Да тут отпечатки пальцев пятидесяти человек как минимум. Пока все проверим, с ума сойдем.

– Вы собираетесь снять отпечатки пальцев у моих клиентов? – насторожился Руднев.

Следователь внимательно рассматривал многочисленные дипломы психоаналитика, развешанные на стенах в аккуратных рамочках.

– Так положено. А как еще мы вычислим подозреваемого?

– Во-первых, я не знаю настоящих имен, адресов.

– Телефончики-то свои они вам дают? Вы же с ними как-то контактируете? Вычислим, не вопрос.

– А во-вторых, ко мне ходят солидные люди с положением в обществе, – вкрадчиво стал говорить Руднев. – Этого нельзя делать. Я всю клиентуру распугаю. Психоаналитика не любит огласки.

– Издержки производства, – хмыкнул следователь.

– Вспомнил, вспомнил, – торопливо произнес психоаналитик. – У меня зрительная память великолепная. Он ни к чему здесь не прикасался руками. Это точно.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Он намеренно действовал так, чтобы не оставить отпечатков.

– Ну что ж. Значит, вы утверждаете, что его целью было исключительно ограбление?

– Только ограбление. Его интересовали исключительно мои деньги, которые я, кстати, в кабинете не держу.

– И у вас в кабинете не ведется ни аудио-, ни видеофиксация?

– Помилуйте, естественно, я ничего не имею права записывать. Ведь это врачебная тайна моих клиентов.

– Тайна тайной, но все-таки... – засомневалсяследователь.

– Никогда и ни при каких обстоятельствах, – отрезал Руднев.

– А как же охрана узнала, что происходит в вашем кабинете?

– Тревожная кнопка. Я сумел незаметно ее нажать. Вот, посмотрите, она под столом. Всякая публика ко мне ходит, иногда и буйные попадают, за горло хватают.

Следак еще несколько раз отмерил диагональ кабинета топорливыми шагами.

– Будем искать. Кое-что есть на камерах, установленных в холле и на фасаде здания, но там качество хреновое.

– Завтра я уже смогу принимать посетителей? – поинтересовался Руднев.

– После обеда. А с утра мои люди еще тут поработают. Так что с вашего разрешения я кабинет опечатаю. Если что-то вам взять надо, то берите прямо сейчас, при мне.

Психоаналитик замялся, но потом все же произнес.

– Нет, ничего мне брать не надо, только плащ и портфель, – уже в приемной Руднев спохватился. – Канарейку накрыть надо. Фонари так светят, что не уснет. А она птичка нежная.

Он бережно прикрыл клетку с канарейкой пледом и вышел за дверь. Следовательно тут же ее опечатал.

К одиннадцати часам вечера офисы в старом доме опустели. Сменилась охрана. На ночную смену заступали двое человек. Охранники привычно расположились в своей комнате, пили чай, играли в карты. На мониторах виднелись картинки с камер: подъезд к зданию, крыльцо, холл... Уже после часа ночи игру в карты пришлось прервать. К крыльцу подкатил полицейский «УАЗ». Двое правоохранителей с автоматами направились к стеклянной двери.

– Иди узнай, чего им надо? – Старший охранник всматривался в монитор.

Молодой пошел в холл.

– Какие проблемы? – поинтересовался он через переговорное устройство.

– Сигнализация в турфирме на втором этаже сработала, – зевая, проговорил один из полицейских. – Проверить надо.

– Сбой какой-то. Хомутнуло. Сейчас у нас все спокойно.

Не то что днем, – покачал головой молодой охранник. – Я сам здание обходил.

– Слышал о ваших делах. Но есть инструкция. Должны проверить. Думаешь, мы для своего удовольствия по городу мотаемся?

Охранник открыл дверь, впустил правоохранителей. Ствол автомата тут же уперся ему в живот.

– Тихо, – сказал полицейский.

Через минуту оба охранника без лишнего шума были уложены «мордами в пол» и связаны. Из полицейского «УАЗа» выбрался Ларин, зашел в здание. И «бобик», и полицейские были самыми настоящими – Дугин постарался. Где-где, а в МВД своих людей у него хватало. Первым делом Андрей вытащил блок памяти из компьютера, присоединенного к камерам слежения, бросил его в сумку.

– Ключ от лифта у тебя? – нагнулся он к уху немолодого охранника.

– На столе лежит, – затравленно прохрипел тот. – Вы что собрались делать?

– Возьмем что нам надо и уедем. Если боишься за свою жизнь, то – зря. Ночь полежите, а утром вас сменщики освободят.

– Работу же потеряю, – уже осмелел охранник.

– Так работать нужно лучше, – пожал плечами Ларин. – Действовал бы по инструкции, мы б и в здание не вошли.

На третьем этаже Андрей сорвал с двери бумажную по-

лоску с гербовой печатью. Зашел в кабинет. Отыскать записывающую аппаратуру оказалось задачей не слишком сложной. Системный блок с внешним жестким накопителем ожидало располагался в нижнем ящике письменного стола.

Глава 2

Полночь – время теней, страха, привидений, вампиров, маньяков и прочей другой нечисти. Об этом каждый знает. В такое время лучше всего сидеть дома, а не шляться за городом. Полночь – плохое время.

Ущербная луна подозрительно выглядывала из-за одинокого облака. На небе рассыпались сверкающие бусинки звезд. Ночной простор пропах речкой, травой и разогретым за день, а теперь уже остывающим асфальтом. На горизонте разворошенным костром рдели многочисленные огоньки индустриального райцентра.

В урбанистическом силуэте промышленного города доминировали огромные трубы химкомбината. Они, как новогодние елки, переливались лампочками. Даже в темноте угадывался валивший из труб дым. Казалось, что это не химкомбинат, а комбинат по производству грозовых туч. Хвосты дыма расползались по небосводу, гася даже самые яркие звезды.

Компания молодежи шла по обочине шоссе. Двое парней были сильно пьяны, по дороге они то и дело останавливались, догонялись пивасиком, потягивая его прямо из горлышка двухлитровой пластиковой бутылки, которую передавали из рук в руки. Две их спутницы брели рядом с ними плечо в плечо. Еще две девушки – крашеная брюнетка

с длинными волосами и блондинка, стриженная под каре, – замыкали шествие. Шли, держась за руки.

– Девоньки, может, из вас кто-нибудь пивка потянуть хочет? – крикнул, поднимая над головой бутылку, парень в клетчатой рубашке. – Остатки роскоши!

– Твоим пивом только сырость в желудке разводить! – ответила брюнетка. Затем она обратилась к подружке: – Вот уроды. Обещали, что с дружками приедут. А те ужрались в хлам еще до отъезда. Вот и хожу целый день одинокая и несчастная. Нет, с нашим райцентровским контингентом невозможно кашу сварить. Даже оргию организовать толком не могут, и это при наличии бухла, предварительной договоренности между девушками и пацанами. Наши мачо сексу предпочитают выпивку. Не жалеешь, что поехала?

– И хорошо, что их поехало только двое, – шепнула блондинка. – Дышится-то как! Как дышится! – воскликнула совсем еще юная девушка, раскинула руки с шелковой шалью и изобразила полет. – Не то что в городе!

Брюнетка тут же засмеялась и громко запела. Голос звучал сносно даже с профессиональной точки зрения:

– ...Я буду долго гнать велосипед. В глухих лугах его остановлю. Нарву столбов и подарю букет той девушке, которую люблю!..

– Какие еще «столбы»? – засмеялась блондинка. – В песне поется: «Нарву цветов и подарю букет той девушке».

– А он пьяный на велосипеде ехал. Потому и нарвал «стол-

бов».

Сзади послышалось рычание мотора. Большегрузная фура нырнула с горки и понеслась, набирая скорость. Водитель, хоть и принял влево, все равно посигналил, боялся, чтобы кто-нибудь из подвыпивших ребят не оказался под колесами.

– Чего сигналишь, козел! – закричала цеплявшаяся за парня девица и запустила вдогонку фуре недогрызенным яблоком.

Плод ударился в кузов и разлетелся – брызнул мякотью.

Впереди белела автобусная остановка со скамейкой и урной, заваленной мусором.

– Подозрительно пусто, – прокомментировала блондинка. – Люди где? Что, никто, кроме нас, ехать в город не собирается?

– На хрена тебе, Наташка, еще какие-то люди? – осклабился обладатель клетчатой рубашки. – Мы тебе что, не человеки?

– Автобус когда? – прищурилась брюнетка.

– В ноль-ноль пятнадцать, – ответил клетчатый. – В десять минут по полуночи в город идет последний автобус. Тебе что, не ясно?

– А народу почему нет? – допытывалась более трезвая, чем клетчатый, брюнетка.

– Не веришь мне, значит? А я докажу. Сейчас... я даже расписание сфотографировал, – клетчатый пьяно расставил ноги, запустил руку в карман штанов и принялся там шарить.

– Парниша, не увлекайся, – подколола брюнетка. – Что, руку в штаны засунул и о телефоне забыл?

– Запомни, девонька. Последний раз онанизмом я занимался в детском саду – в младшей группе. А потом был исключительно изобретательный секс, – серьезно проговорил клетчатый, доставая телефон.

– Знаю я твой изобретательный секс. Бельмы зальешь, и в лучшем случае получится детская игра «в доктора».

– Игра в доктора! Скажешь тоже, слушать противно. Лично я, учась в восьмом классе, уже придумал новую позу, которая даже в Камасутре не описана. Во как! – пошатываясь, парень «листал» полусогнутым пальцем виртуальные странички с фотографиями, сделанными на мобильник. – И тут мне не веришь? Описываю. Голая телка залезает коленями на стул, лицом к спинке и... подставляется задом. Тут я ее неторопливо имею, а она в это время от избытка оргазма стонет и страстно грызет зубами спинку стула. «Поза бобра» называется. Сечешь прикол?

– Приятель-бобер, автобус-то когда будет?

Клетчатый выбросил перед собой руку со светящимся экраном телефона:

– Ноль-ноль пятнадцать, глаза разуй.

Брюнетка выругалась:

– ...это ты кое-что разуй! Твой «ноль-ноль пятнадцать» – это рейс выходного дня. Можешь продолжать в штанах шерудить до самого утра и уже двумя руками. Сегодня среда –

будний день. Последний бус на город сегодня еще в десять вечера ушел. Следующий нарисуеться только к восьми утра. Тебе ясно?

– Твоя правда, подруга-бобриха, – вынужден был признать очевидное клетчатый, когда заглянул в светящийся экран телефона. – Черт попутал. Они на автовокзале дни недели такими ма-а-а-ленькими, как мандавошки, буквами пишут.

– Это у тебя мозги, как у мандавошки, ма-а-а-ленькие. Вот такие, – передразнила брюнетка и показала микроскопический зазор между большим и указательным пальцами.

Клетчатый хмыкнул:

– Гм... сейчас все исправим, сеструхи, – он картинно набрал короткий номер на телефоне и вскинул трубку к уху: – Девонька, девонька, – развязно стал говорить он в микрофон. – Нам две машины нужны. Такси... Компания большая: двое парней, четыре девчонки... Прямо сейчас, да... У вас такой голос приятный. Вы, случаем, не в службе «секс по телефону» работаете?... Хорошо, хорошо. Это я пошутил... Куда прислать?... Это, как его? Московская трасса... На какой километр? А хер его знает. Сейчас у подружек спрошу... Вроде пятнадцатый. Там еще автобусная остановка. Так мы на ней и стоим. Бабки у нас есть, не волнуйтесь, – клетчатый прикрыл микрофон рукой и сказал: – Сейчас она с машинами свяжется.

Клетчатый слышал в наушнике переговоры диспетчера с

водителями такси. Они звучали в трубке глухо, словно из преисподней долетали. Ехать на черт знает какой километр московской трассы таксисты справедливо отказывались. И в самом деле. Во-первых, диспетчер не скрывала, что клиент изрядно пьян. Во-вторых, пока приедешь, то скорее всего он уже укатит на попутке.

– Извините, но свободных машин нет, – наконец произнесла диспетчер. – Попробуйте набрать другого оператора.

– Ну и дура! – сказал вместо прощания клетчатый и смачно плюнул себе под ноги. – Не будет нам такси.

За то время, пока компания разбиралась с автобусным расписанием и неудачным вызовом такси, по шоссе проехало всего две машины.

– Будем ловить попутку, – скомандовал клетчатый. – Иначе отсюда нам не выбраться. Пешком идти, к утру только притащимся.

Первая попытка оказалась неудачной. Водитель, увидев большую, явно подвыпившую компанию, тут же принял влево и, пропылив по обочине, умчался в сторону райцентра.

– Ни хрена у нас так не получится, – сделал здравый вывод из случившегося клетчатый. – Способ проверенный. Надо двух девчонок выставить, а мы спрячемся.

Так и поступили, две девицы вышли на асфальт. Клетчатый с приятелем и блондинка с брюнеткой ушли в темноту. Минуты через три показалась машина, ехала неторопливо, мигнула фарами и затормозила. За рулем сидела женщина

лет тридцати.

– Вам до города? – спросила она у девчонок. – Тогда садитесь.

– Мы не одни, – честно призналась девица.

Женщина насторожилась:

– С вами парни? – поинтересовалась она.

– Да. Подвезете?

– Раз уж остановилась, то придется, – пожала плечами дама.

Тем временем в темноте шел обмен мнениями. Клетчатый проявлял великодушие.

– Вы, девчонки, езжайте. А мы другую попутку словим.

Блондинка понимала, что пары на сегодняшний день уже сложились, и разбивать их не стоит.

– Ребята, вы без нас. Мы как-нибудь сами выберемся. Или хотя бы кто-нибудь один из вас с нами останется.

Ее поддержала и сексуально озабоченная, а потому и злая, брюнетка.

– Валите со своими девчонками. За нас не переживайте, – она подтолкнула клетчатого в спину.

Последовало короткое прощание. Машина, мигнув габаритами, укатила в сторону райцентра.

– Ну что, Наташка Бабарыкина? – Брюнетка достала пачку сигарет, щелкнула зажигалкой. – Ты машину ловить будешь или мне постараться? Сигарету не предлагаю, знаю, не куришь. Или возьмешь? Надо же когда-то начинать.

– Не в каждом деле, Танюха, стоит начинать, – ответила Наташа.

– Скучная ты, – вздохнула брюнетка. – Ладно, мне не впервой. Если одинокий мужик проезжать будет, мигом остановится. А вот если с женой, то не обещаю.

Позднее шоссе пока оставалось пустынным. Асфальт дышал накопленным за день теплом. Ветер поутих. Ночь все еще казалась спокойной и безопасной.

Танька села на лавочку, установленную на автобусной остановке, расставила ноги, свесив между коленей широкий подол юбки. Зажатая в зубах сигарета тлела в ночи неровным огоньком.

– Я тут фильм по кабельному смотрела, – глядя через дорогу в лес, проговорила Таня. – Прикольный. Не помню, когда там это уже случилось-приключилось. Вроде после войны. А, может, и до нее.

– Исторический? – поинтересовалась Наташа и покосилась на шоссе.

– Документальный, про чудака одного. Грузин вроде или армянин. Он у Сталина каким-то главным был.

– Берия, что ли, Лаврентий Павлович? – машинально переспросила более образованная Наташа.

– Во-во. Точно. Лаврентием его звали.

– Он НКВД в СССР командовал. Что-то вроде теперешнего ФСБ, только значительно страшнее.

Гул машины приближался. Из-за пригорка блеснули фа-

ры. Но, поскольку автомобиль ехал не к городу, Танька не напрягалась. Водитель притормозил. Наташа показала рукой направление, куда они собирались ехать, и помахала. Мол, мы вам компанию не составим, разве что вы на сто восемьдесят градусов развернетесь. Машина продолжила путь, на прощание моргнув фарами. Танька продолжила:

– Так вот, этот чудак Лаврентий очень крутым был. Ну, машины с личными шоферами у него круглые сутки под задницей, дома загородные, охрана, бухла немерено, жрачка. Днем он, это, людей по подвалам убивал, а по ночам на черной машине по Москве ездил и школьниц высматривал.

– Какие ж это школьницы ночью по городу ходят? – справедливо засомневалась Наташка.

– Это ему днем шестерки всякие высматривали, а потом показывали. Идет девка. Понравилась. Ее цап – и к нему привозят. Он ее, это, накормит, напоит и в постель тащит. Одни, дуры, упирались, так их силой брал, потом их или в лагеря отправляли, или убивали, иногда на кусочки резали. А чего упираться? Мужик при бабках, состоятельный. Так их потом или убитыми находили, или просто в лесу закапывали. А тех, что не сопротивлялись, он награждал. Деньги давал, на учебу в универ или на работу козырную устраивал.

Вновь послышался тихий шум мотора, на этот раз машина двигалась в сторону города.

– Легковая, – на звук определила Танька. – Стой и ничего не говори. Я сама все сделаю. А все-таки наши с тобой му-

жики – сволочи. Бросили нас ночью на шоссе, как котят. Выберемся, подруга, еще наверстаем упущенное удовольствие, если хочешь, конечно.

Из-за поворота показались слепящие галогенные фары. Их свет, казалось, пронизывал даже легкую летнюю одежду на девушках. Рассмотреть сам автомобиль было невозможно из-за этого сумасшедшего ослепительного света. Танька, как ни в чем не бывало, сидела на скамеечке и широко обмахивалась подолом юбки, будто бы ей было жарко. Белоснежные кружевные трусики буквально вспыхивали в ночи, то скрываясь, то показываясь.

Мягко скрипнули тормоза. Машина буквально подползла к остановке и замерла возле бордюра. В тонированных стеклах отразился загородный пейзаж с вмонтированной в него Танькой, которая обмахивалась подолом. Автомобиль впечатлял своим видом. Никогда раньше ничего подобного девушкам видеть не приходилось. Это был, несомненно, сделанный в наши дни лимузин, но исполненный под старину – в стиле ретро. Длиннющий, как городской автобус, в колесах не диски, а мотоциклетные спицы, под вытянутым капотом прятался мощнейший, но почти бесшумный двигатель, множество сверкающих никелем деталей, накладок, черный лак отливал идеальным блеском. Наверняка подобная «игрушка» стоила сумасшедших денег. Даже сложно было предположить, кому в городе может принадлежать машина. Лимузин просто стоял и пока не подавал «признаков жизни», если

не считать тихого урчания мотора.

Наташе не к месту вспомнилась где-то вычитанная фраза, что мужчины ассоциируют мощь и размеры своих автомобилей с мощью и размерами фаллоса.

– Ни хрена себе, – тихо проговорила Танька, продолжая энергично обмахиваться подолом.

Наконец внутри машины обозначилось движение. Еле слышно загудел электропривод. Боковое стекло чуть сползло вниз. Света в салоне не зажигали. Из темноты донесся немного хрипловатый, но при этом высокий мужской голос. Говоривший явно был выпивши:

– Попутку, красотки, ловите?

– На последний автобус опоздали, – сказала Наташа.

– Ну так садитесь, подвезу, – донеслось из салона, затем послышалось, как обладатель хрипловатого голоса то ли цокает языком, то ли пьяно причмокивает губами.

– Сколько возьмете? У нас денег в обрез, – Наташа потянулась к защелке сумочки.

Из-за приспущенного стекла долетел смешок.

– Другим возьму.

– Нет, тогда – это вы одни езжайте. Мы не по этой части, – окрысилась на двусмысленность Наташа Бабарыкина.

– Шутка, садитесь. Задаром довезу.

Танька поднялась, зашептала подруге:

– Дуреха, поехали. Мужик крутой. Если чего, то я за двоих отдуваться буду. Это мой шанс. Я же тебя предупреждала,

первой не говори. Испортишь все.

– Может, и твой шанс, но не мой, – ответила Наташа.

– Ну как, решили? – донеслось из машины.

– Едем! – Танька подбежала, дернула ручку дверцы, та оказалась закрыта.

Затем в машине что-то щелкнуло, дверца поддалась. Танька ахнула. Ей никогда прежде не приходилось ездить в лимузинах. Внутри было просторно, как в комнате. Кожаные диваны тянулись вдоль бортов, между ними располагался узкий длинный стол. Под потолком поблескивал выключенный жидкокристаллический экран, виднелись огромные круги динамиков мощной акустической системы.

– Вау! – только и выдавила из себя Танька, ныряя в полутемный салон.

Наташа нерешительно забралась следом. Шофера и его пассажира, судя по всему, владельца машины, девушки так и не увидели. Стеклопанная перегородка, отделявшая салон от переднего сиденья, поползла вверх. Автомобиль мягко тронулся.

– Тут и бар есть, – зашептала Танька, косясь на подсвеченный холодильник с прозрачной дверцей.

– Располагайтесь, можете чего-нибудь бухнуть-выпить, мне не жалко, – прозвучал из динамиков прежний хриловатый голос.

Танька открыла дверцу бара. Глаза у нее разбегались, она шевелила губами, перечисляя содержимое:

– Водяра, шампусик, вискарь, коньяк, пиво. Тебе чего достать?

– Ничего оттуда не бери, – предупредила Наташа.

– А чего стесняться, если нам предлагают? – Таня уже завладела жестянкой с холодным пивом, потянула за кольцо, припала губами к отверстию.

Когда брюнетка отвела банку ото рта, тут же густо побегала пена. Таня принялась ловить ее ладонью, чтобы не залило сиденье.

– Пиво не отсасывать надо, а отпивать, – нравоучительно прозвучало из динамика переговорного устройства.

Наташа поеживалась. Не нравилось ей это ночное путешествие с невидимками. А вот Танька уже развалилась на кожаном сиденье, осматривалась.

– Гляди, потолок замшей обит. Крутизна. А сиденья – лайкой.

Дорога к городу была прямой. Однако почему-то автомобиль вскоре свернул вправо.

– Эй! – крикнула Наташа. – Куда это мы? Нам дальше прямо. Остановите. Теперь уже и сами дойдем. Спасибо!

– В одно место заскочить надо. Тут недалеко, – донеслось из динамика успокаивающе.

– Остановите! – Наташка добралась до стеклянной перегородки и постучала в нее.

На этот раз никто ей не ответил.

– Да успокойся ты, – Танька продолжала нежиться на мяг-

ком диване.

– Остановите!

Лимузин, мягко шурша по асфальту шинами, летел в темноту. Брюнетка дернула подругу за рукав.

– Успокойся. Сказал, что им заехать надо, значит...

Наташа дернула ручку дверцы, замок оказался заблокирован. Тревога слегка передалась и Таньке, но паниковать она не собиралась.

– Я же тебе сказала, положиись на меня. Ну, развлекусь я с ним немного. Потом до города подвезет. Может, завяжется с ним. Мне самой приключений хочется.

– Я кричать буду. Их же двое.

– Дура. Кто ж тебя услышит? А второй – просто шофер, он только то делает, что хозяин ему скажет.

– А если он ему скажет... – Наташа от ужаса закрыла рот ладонью, понимая, что и тот, о ком она говорила, прекрасно слышит ее через переговорник.

Машина неслась, затем притормозила, свернула, закачалась, поползла по грунтовой дороге. Наташа припала к стеклу.

– Через лес едем, – встревоженно произнесла она.

Через пару минут лимузин заложил круг и замер, двигатель продолжал работать. Девушки посмотрели друг другу в глаза. И тут абсолютно неожиданно из динамиков грохнула оглушительная попсовая, разухабистая музыка. Она так сильно ударила по ушам, что девушек буквально парализо-

вало на время, в салоне вспыхнул яркий свет. Дверца резко раскрылась. Кто стоит за ней, было не рассмотреть. Наташа инстинктивно прижалась к подруге.

– Ты, беленькая, выходи! Любишь кататься, люби и санки возить, – послышался хриплый голос.

– Она не пойдет, – вставила Танька. – Я пойду вместо нее.

– Как хочешь.

На мгновение в проеме дверцы появилась рука с зажатой в ней недопитой бутылкой вискаря. Танька выбралась из машины. Дверца захлопнулась, щелкнула блокировка замка. Музыка стала тише, погас и свет. Наташка приложила ладони к стеклу, всмотрелась в темноту. Теперь она уже видела, что лимузин остановился на берегу озера. Поблескивала водная гладь. Противоположный берег тонул в тумане. Мужчина в костюме стоял напротив Таньки, та что-то ему говорила, смеялась, запрокидывая голову, навязчиво поправляла одежду на груди. Неподалеку прохаживался шофер. Мужчина в костюме приложился к горлышку, жадно глотнул спиртное, отбросил опустевшую бутылку и принялся расстегивать брюки. Таня, продолжая смеяться, опустилась на колени, всем своим видом показывая, что совсем не прочь поразвлечься и доставить партнеру удовольствие. Вот это почему-то и разозлило мужчину, он наотмашь ладонью ударил Таньку по лицу, схватил за волосы, бросил на землю. Шофер просто отвернулся и закурил.

– Пусти ее! – закричала Наташа и принялась рвать ручку

запертой дверцы.

Танька заверещала. Мужчина тут же зажал ей рот ладонью, заломил руку, развернул к себе спиной и принялся буквально срывать с брюнетки одежду, хотя еще минуту тому назад ситуация была такой, что Танька с «песнями и плясками» разделась бы сама. Теперь же она вырывалась, пыталась лягнуть насильника. Чувствовалось, что сопротивление только распаляет мужчину. Даже через стекло было слышно, как хрипло он дышит и безбожно матерится. Действовал он грубо, то и дело прерывал акт и бил девушку. В каждый новый удар вкладывал все больше жестокости. Наташа уже не пыталась докричаться, она с ужасом понимала, что и ее вскоре ждет нечто подобное. Страх сковывал блондинку. Смотреть на страдания подруги было невыносимо, но и отвести глаза она не могла. Мысль судорожно искала выход.

Мужчина в костюме подтащил полуживую Таньку к лимузину и, схватив девушку за волосы, ткнул лицом в стекло. Из разбитого носа потекла кровь, оставляя на окне автомобиля кривые смазанные дорожки. Наконец насильник получил удовольствие. Он не сдерживал животный стон. Ослабшая Танька упала к его ногам.

Наташа нутром почувствовала, что вот-вот настанет ее очередь, она протянула руку к бару, вытащила бутылку джина, свернула пробку. Первым желанием было выпить все без остатка, чтобы свалиться мертвецки пьяной, ничего не чувствовать, не понимать, не ощущать боли. Дозатор мешал

пить из горлышка. Девушка трясла бутылку, пока не налила себе полный стакан, судорожно вздохнула и приготавилась уже выпить, как взгляд ее скользнул по столу...

Водитель рванул на себя дверцу, осклабился, увидев Наташу со стаканом джина в руках, нагнулся и протянул руку, чтобы схватить ее за одежду. Из-за плеча водилы выглядывал его пьяный хозяин.

– Цып-цып-цып... – почему-то произнес он с абсолютно сумасшедшей ухмылкой.

Наташа выплеснула джин водиле в лицо и, схватив со стола оставленную Танькой зажигалку, провернула колесико. Крепкое спиртное мгновенно вспыхнуло, синее пламя охватило голову и плечи водителя. Взыв, он стремглав бросился к озеру. Мужчина в костюме отшатнулся от машины, придержал сваливавшиеся с него расстегнутые брюки.

– Во, бля... дает телка, – проговорил он с внезапным уважением.

Наташка Бабарыкина метнула в него бутылку, выпрыгнула из машины, нырнула под руку. Водительская дверца оказалась открыта. Мотор продолжал работать. Фары били прямой наводкой на лесной проселок.

– Танюха, запрыгивай! – крикнула блондинка.

Брюнетка, хоть и была слаба, однако крик подруги и возможность свалить отсюда мобилизовали ее силы. Она поднялась, нырнула в салон, но закрыть дверцу не успела.

– Стоять, сучки! – Мужчина в костюме схватился руками

за стойку дверцы.

Наташа никогда прежде не водила машины с коробкой-автоматом, а потому растерялась, обнаружив только две педали. Но раздумывать не приходилось, втопила газ. Мощный двигатель взревел, однако автомобиль остался на месте. Краем глаза Наташка отметила, что пылающий синим пламенем водила бросился в озеро, она лихорадочно дергала рычаги, расположенные у руля. Замигал поворотник, задержались щетки стеклоочистителей. Наконец включилась коробка. Машина резко дернулась назад.

– Реверс, – Наташка догадалась, что означает латинская буква «R», на которую угодил переключатель рычага, расположенного под рулем.

Девушка дернула рычаг вверх, минуя букву «N». Лимузин, набирая скорость, покатиł вперед. Мужчина матерился, хрипел, но пальцев со стойки не отпускал. Первый десяток метров он еще бежал, пытаясь заскочить в салон, а затем его просто потянуло вслед за машиной. Наташе вообще редко приходилось сидеть за рулем – пару раз приятели позволяли ей провести машину по грунтовым дорогам. А тут ей приходилось управляться с длиннющим лимузином на лесном проселке, где и «УАЗу» пройти сложно.

– Тормоз, тормоз где? – паниковала Наташа, видя, как на автомобиль стремительно надвигается толстое дерево.

Она вывернула руль, ствол сосны промелькнул совсем рядом. Однако поворот оказался слишком резким, лимузин

вышел из колеи, забрал носом в лес. Наташа вновь крутанула руль и наконец-то поняла, что вторая педаль и есть тормоз, а давить на него следует левой ногой. Как опустить перегородку между водительским местом и салоном, она и понятия не имела, а ведь там, в салоне, находилась Танька. В зеркальце заднего вида Наташа видела, как за машиной тащит ее владельца. Немного привыкнув к управлению, она рискнула и взяла вправо. Расчет оказался не совсем верным. Внешняя фара, установленная на выносном эффектном кронштейне, разлетелась вдребезги от удара о дерево, никелированный держатель погнулся. Ствол задел борт. Но цель все же оказалась достигнута, мужчина в костюме отцепился, теперь его отражение уменьшалось в зеркальце заднего вида. В перегородку двумя кулаками стучала Танька.

– Открой!

– Не знаю как! – кричала ей Наташа.

Наконец она догадалась остановиться. Танька оббежала машину и села рядом с ней, длинно и грязно выругалась.

– ...а теперь гони!

Лимузин раскачивался на грунтовке, днище то и дело с противным скрежетом терлось о землю. Наташка пару раз ударялась грудью о руль, и тогда лес оглашал веселой музыкальной трелью клаксон.

– Где же выезд? – всматривалась в темень Наташа.

– А я откуда знаю? Сумасшедший, маньяк какой-то, я перед ним еще стала, сама дать ему хотела. Какого хрена ему

еще надо было? Извращенец гребаный. Нос разбил...

Лимузин с трудом вписался в поворот, захрустел кустами, сминая растущий близко к грунтовке малинник. Свет единственной уцелевшей фары лихорадочно плясал по зелени.

– Тебе не кажется, подруга, что мы уже снова назад едем – возвращаемся? – засомневалась Танька. – Крутит нас и крутит. Черт, болит все. Вот урод.

– А я что сделаю? Нам нельзя останавливаться...

И тут в перспективе дороги показался мужчина в костюме. Он стоял, широко раскинув руки, наверняка вообразив себя непробиваемым шлагбаумом.

– Дави гада! – кровожадно крикнула Танька, и ее решимость на какое-то мгновение передалась подруге.

Наташка выжала педаль газа. Неуклюжий лимузин подбросило на дороге, днище машины скрежетнуло о землю. Конечно же, сильно разогнаться не получалось. Насильник внезапно крикнул что-то нечленораздельное и побежал навстречу, прыгнул на длинный капот и каким-то чудом задержался на нем. Его искаженное злобой лицо оказалось перед самым ветровым стеклом. Моложавый мужчина с испытymi глазами смотрел напряженно и в то же время весело. Словно бы все происходящее являлось сумасшедшим аттракционом.

Наташа испуганно продолжала давить на газ. Лимузин, раскачиваясь, мчался по разбитой грунтовке. Мужчина схватился руками за щетки стеклоочистителей и подтянулся на

них. Его нос расплющился о стекло. Наташка резко вдавила тормоз. Двигатель заглох. Насильник, продолжая двигаться по инерции, улетел вперед на дорогу. Машина еще немного проехала и встала как вкопанная. Руки у Бабарыкиной мелко дрожали.

– Мы его конкретно переехали, – произнесла она мгновенно побелевшими губами.

– Кажется, да, – подтвердила Танька, пытаясь рассмотреть, что делается впереди. – Не вижу его. Значит, под колесами лежит. Ты же слышала – хрустнуло!

– И что теперь с нами будет? – всхлипнула Наташка.

– Ничего не будет. Это же самооборона. Он и тебя изнасиловать хотел.

– Да? – с надеждой в голосе проговорили блондинка. – Самооборона? Ты так думаешь?

И тут за стеклом дверцы показался тот, кого они «с хрустом переехали». Жив, здоров, вот только рукав пиджака порван на плече. С дьявольским хохотом он рванул на себя дверцу, одной рукой ухватился за Наташку, второй выдрал ключи из замка зажигания. Девушка от неожиданности пронзительно заверещала.

– Дура! Я тебя во все дыры... – договорить насильник не успел.

Наташка укусила его за руку, выскочила из машины и помчалась напролом сквозь малинник. Сзади слышалось тяжелое дыхание преследователя. С каждой секундой оно стано-

вилось все более возбужденным. Девушка мчалась что было сил. Хрустели сминаемые кусты.

– Догоню, кончу! – раздалось очень близко, даже показалось, что она ощутила горячее дыхание на затылке.

Бабарыкина сбросила шаль, рванула в сторону, и вовремя. Пальцы насильника схватили лишь рукав. Затрещала материя, шrapнелю разлетелись мелкие пуговички. Выскользнув из треснувшей блузки, Наташа рванула вперед.

– У-у-у... – раздалось абсолютно животное урчание за спиной.

Девушка выбежала к озеру. Берег укрывал густо разросшийся тростник. Не раздумывая, она бросилась в водяные заросли. Ноги стали все глубже увязать в прибрежном иле. Стебли резали, царапали кожу. В голове пульсировала лишь одна мысль – добраться до открытой воды и поплыть. Почему-то девушке казалось, что в этом ее спасение. Да, плавала она неплохо. Однако кто сказал ей, что насильник плавает хуже? Хрустели стебли, чавкала под ногами грязь и вода, впереди серебристой отраженной луной сверкала вода. Сильные руки толкнули Наташу в спину. Она упала в воду, от неожиданности хватанула ртом воды, закашлялась. Насильник тут же схватил ее за волосы, приподнял и, не дав опомниться, глубоко, до самого дна, макнул головой в озеро. Блондинка извивалась, но держали ее крепко, непреодолимо хотелось вдохнуть. Наташа чувствовала, как ил размазывается по лицу, что еще несколько секунд, и она задохнется.

С нее сдирали одежду. Наконец на короткое время голову приподняли над водой, воздух с хрипом ворвался в легкие. Девушка надрывно закашлялась, а затем вновь лицо вошло в воду. Наташа почти перестала понимать, что с ней происходит, чувствовала только боль и стыд за то, что ничего не может поделать. Она целиком находилась во власти насильника, тот мог и убить. А потом ее просто оттолкнули, сил хватило лишь на то, чтобы перевернуться на спину. Наташа лежала, глядела на звезды, ее душили слезы. Слышалось удаляющееся чавканье корней тростника под ногами насильника и его невнятная ругань.

– Тварь, б... ё... нах... хорошо-то как... эх, житуха...

Вскоре в отдалении тихо заурчал двигатель лимузина, но и он растаял в ночи. Наступила тишина, нарушаемая только природными звуками ночи. Девушка села, заревела, отмывая перепачканное лицо от ила.

– Утоплюсь, утоплюсь... – твердила Наташа.

Она поднялась, тут же оступилась, завалилась на бок, на четвереньках стала пробираться к открытой воде, которая манила к себе, казалась избавлением от всех навалившихся бед.

– Утоплюсь.

– Наташка! – услышала она голос Таньки. – Сдурела, что ли? Сюда давай. Не вздумай топиться. Не стоит эта мразь и волоска с твоей головы.

– Отстань, – блондинка упрямо двигалась к воде.

Но Танька не отставала. Она догнала подругу, отхлестала по лицу, чем немного привела ее в чувство.

— Ну что такого случилось? — пробовала она урезонить Наташку. — Живы? Живы! Руки, ноги на месте? На месте! И все остальное на месте осталось. Задница не отвалится. Чего тебе еще надо? Горячий душ, мыло и шампунь. Вот и все.

— Жить не хочу, — пролепетала блондинка.

— А вот это уже не тебе решать! Этим Боженька на небе распоряжается. Пошли.

Наконец-то Наташка дала увести себя от озера. Промокшие девушки кутались в обрывки одежды. Казавшийся до этого теплым ветер охлаждал до мелкого стука зубов.

— Главное, не останавливаться, а идти и идти вперед, — твердила Танька. — Тогда на ходу и высохнем. Каждый шаг приближает нас к городу.

— А толку от этого?

К шоссе не пошли. Бабарыкина не захотела. Двигались полевой дорогой, ориентируясь на красные огоньки труб химкомбината.

* * *

Чем ближе подходили к городу, тем меньше говорили и старались не смотреть друг другу в глаза. Уже глухой ночью, когда весь райцентр спал, подруги оказались на пустынных городских улицах.

– Хорошо хоть никого рядом нет. Никто нас не видит. Как стыдно! – произнесла Наташа.

– Почему это тебе должно быть стыдно? – возмутилась Танька.

– Не знаю. Ничего не могу с собой поделать. Но мне стыдно.

Из-за угла блеснули фары. Бабарыкина бросилась к подворотне. Танька схватила ее за плечо:

– Постой, дура, это же менты! – Она вскинула руку.

Полицейский «УАЗ» неторопливо катил по улице. Лейтенант, сидевший рядом с водительским местом, подозрительно присматривался к девушкам.

– Вы чего в таком виде разгуливаете? – поинтересовался он, когда машина остановилась возле Таньки. – Пьяные, что ли?

– Да трезвые мы уже, лейтенант! – рявкнула Танька зло.

Наташка близко не подходила, куталась в обрывки блузки. Узнав, что девушек за городом изнасиловал какой-то извращенец, лейтенант оживился.

– Поехали в участок. Напишите заявление. Этого так оставлять нельзя. Сегодня вас, завтра кого-нибудь еще изнасилует. А мне это надо?

В участке сердобольный лейтенант подыскал потерпевшим кое-что из одежды, какие-то старые мужские пиджаки. Сержант сварил кофе. Согревшись, Наташа перестала стучать зубами и смогла отвечать.

– ... значит, вы остались одни на автобусной остановке? – выяснял дежурный следователь обстоятельства произошедшего. Перед ним лежали чистый лист бумаги и ручка.

– Да, мы опоздали на последний автобус, – сказала Наташа. – Мы попутку ловили.

– Вот и словили на свою голову. Ночами молодым и красивым дома сидеть надо. Но вины с него это по нашим законам не снимает. Вот в Эмиратах, если женщина лицо откроет или юбку выше колена наденет при чужом мужчине, то насильника оправдывают. Мол, это она его и спровоцировала. Дикость какая-то средневековая. Законы шариата, – хмыкнул следак. – Насильника вы видели раньше?

– Лицо вроде знакомое. Но где я его видела, не припомню, – наморщила лоб Танька. – Ну совсем не могу вспомнить.

– А номер машины? – поинтересовался следователь.

Чувствовалось, что он искренне хочет помочь девушкам. Мужчины, вообще-то, ненавидят насильников даже больше, чем женщины.

– Не посмотрели мы на номер, – переглянулись девушки.

– Не до того нам было.

– Машина у него приметная. Я такой в нашем городе раньше не видела, – вставила Наташка.

– Какая марка? – уточнил следователь. – Если модель редкая, мы его мигом вычислим.

– Модель редкая, – с готовностью подтвердила Танька. –

Но какая именно, я не знаю.

– Лимузин под старину сделанный, но современный... – принялась детально описывать машину Бабарыкина.

Почему-то следак во время описания мрачнел и мрачнел. Когда Наташа замолчала, не зная, что еще сказать о приметном автомобиле, он сделался совсем неприветливым.

– Прошу прощения. А ты, лейтенант, иди со мной, – сказал следователь и вышел из кабинета.

Сержант избегал смотреть на потерпевших, пялился в окно, за которым и виднелось-то всего – фонарь да крона засыхающего дерева. Было слышно, как следак в коридоре с кем-то говорит по телефону, но слов не разберешь.

Наташа и Таня не понимали, что происходит. Только что правоохранители готовы были помогать им, а когда появилась реальная зацепка вычислить насильника, их словно бы подменили. Желание искать преступника вмиг отпало.

– Ты кого мне привез, лейтенант? Соображать надо, – донеслось злое из коридора.

Дежурный следователь вернулся, сел за стол. Глаза у него стали бездушные, словно их отлили из бутылочного стекла. Пальцы скомкали чистый лист бумаги, бросили его в урну.

– Значит, так, – холодно произнес он. – Никаких заявлений от вас мы принимать не будем. Ясно выражаюсь? Или пояснить?

– Это как же? – изумилась метаморфозам следака Наташа.

– А вот так. Приличного человека решили оговорить,

прошмандовки. Трахались напропалую с кем-то под забором, а потом собрались уважаемого человека на бабки развести, а? Хотите экспертизы? Будет вам экспертиза. Но только покажет она, что тот, на кого вы указываете, и близко не имеет к вам никакого отношения.

– Нас изнасиловали! И сделал это кто-то, кого вы выгородить хотите. Это вам начальство посоветовало или он сам? – возмутилась Наташа. – Вот если бы на нашем месте оказалась ваша дочь, что бы вы сказали?

– Моя дочь по ночам не шляется где попало. А вы – пьяные давалки, сами ноги расставили, может, СПИДом заразить хотели, может, триппером, а сейчас бабла с якобы «наильника» хотите содрать. Пошли вон! Небось сами под него ложились, а теперь подставить решили. Вон отсюда! – Следователь стукнул кулаком по столу так сильно, что ручка подпрыгнула и упала на пол.

– Я этого так не оставлю, – проговорила Наташа. – Я узнаю, кто он такой.

– И не думай, – предупредил следак. – За ложное обвинение, знаешь, сколько полагается? Подумай прежде.

Танька уже сориентировалась и быстренько потащила подругу к выходу.

– Идем отсюда, идем.

– Сержант, выведи их, – гаркнул дежурный следователь.

Сержант с лейтенантом буквально вытолкнули девушек из участка, правда, старые пиджаки отбирать не стали. Наташ-

ка тут же стала давить на дверной звонок, укрепленный у стеклянной двери, но дежурный за стойкой на это никак не реагировал.

– Подруга, просто забудь о том, что было. Ничего приятного не вспомнишь. Согласись? Думай о чем-то приятном, – посоветовала Танька так, словно была психоаналитиком. – Ну, нарвались мы на крутого мужика-извращенца, у которого все в этом мире схвачено. Не повезло. Не стоит головой о стену биться, только лоб расшибешь. Чем быстрее забудешь, тем лучше.

– Ты, как хочешь, а я этого так не оставлю, – пообещала Бабарыкина.

Глава 3

Просыпаться с бодуна – редкое «удовольствие», особенно, если ночь перед этим выдалась бурная и, можно сказать, сумасшедшая. Анатолий Бахрушин раскрыл глаза. Во рту было сухо, словно в пустыне. Он сел на огромной, как летное поле, кровати. Голова раскалывалась. Пошарил рукой рядом с собой, жены не оказалось, и только тогда Бахрушин вспомнил, что сам же отправил ее в Москву.

– Блин, – проговорил он абсолютно ничего не значащее слово, умудрившись вложить в него максимум отвращения.

Грязный, выпачканный в озерном иле костюм валялся на полу.

– Ну и хер с ним.

Вчерашнее припоминалось смутно и отрывочно. Словно выхваченные вспышками стробоскопа из темноты, в памяти появлялись картинки. Ночное шоссе, свет фар прорезает ночную темноту.

В руке бутылка вискаря. Пустая бутылка летит в распахнутое окно лимузина и разлетается шрапнелью, ударившись о дорожные ограждения...

Брюнетка стоит на коленях, а он бьет ее с оттяжкой по лицу.

Вокруг вода, девушка извивается в его руках, не может поднять голову, задыхается...

Сорокапятилетний мужчина с трудом спустил ноги с кровати, стоял, пошатываясь, глядя на свое отражение в зеркальном шкафу-купе. Увиденное не слишком радовало. Когда-то хорошо натренированное тело спортсмена еще сохраняло относительную стройность, но уже успело обрюзгнуть. Живот нависал над причинным местом, увидеть которое можно было только в зеркале. Анатолий икнул и подошел поближе. Покрасневшие глаза окаймляли припухшие веки. Бахрушин с трудом нагнулся, поднял с пола трусы, криво натянул их и, шлепая босыми ступнями по паркету, поплелся в коридор.

– Ну какого хера я такой большой дом строил? – бормотал он, спускаясь по лестнице со второго этажа.

Постоял, колебаясь, куда сперва отправиться – в туалет или же на кухню. Наконец сделал выбор в пользу последней.

– Доброе утро, Анатолий Игоревич, – бодро поприветствовал его личный водитель.

– Какое оно на хрен доброе, Колян! – махнул рукой Бахрушин и распахнул холодильник. – Витек дома? – поинтересовался он.

– Спит ваш сынок. Он вчера позже нас вернулся.

Даже не глядя на полку, Анатолий вытащил бутылку вискаря, свинтил пробку. Водитель услужливо поставил на стол стакан. Налив его на треть, Бахрушин мелкими глотками стал поглощать содержимое. Спиртное не «хотело» лезть в горло, просилось назад, но Анатолий победил в этой нерав-

ной схватке и отставил пустой стакан.

– Уф! – шумно выдохнул он и посмотрел на мир уже веселее. – Запомни, Колян: неправильная техника опохмела неизбежно ведет к алкоголизму. С утра можно выпивать не более семидесяти граммов, все остальное – от лукавого. А вот вечером можно бухать сколько угодно безо всякого ущерба для здоровья.

– Ясное дело, – угодливо осклабился водитель. – Вам кофе сварить?

– Давай замути.

Бахрушин взглянул на часы, висевшие над столом. Стрелки показывали восемь утра. Спортивное прошлое приучило подниматься рано, что бы ни случилось накануне. Когда Анатолий вернулся на кухню, умывшись и одевшись, кофе уже стоял на столе.

– Горячо, черт. Пусть остынет, – Бахрушин закурил, выпустил в потолок струю дыма.

Водитель сам не начинал разговор, ждал, когда это сделает хозяин.

– Эти сучки вчерашние... – произнес он и поперхнулся.

– Что сучки? – участливо поинтересовался водитель.

– Ну это. В смысле – тихо?

– Не совсем. В ментуру гадюки пошли.

– И как сходили?

– Как положено, заявки от них не приняли.

– Ну и ладно, – Бахрушин почувствовал, что оживает, в

глазах наконец-то появился блеск. – Машину готовь, в офис поедem.

На этот раз воспользовались скромным «Лексусом», ретролимузину после ночных приключений требовался ремонт.

Бахрушин сидел рядом с водителем, хмурo смотрел перед собой на приближающиеся трубы химкомбината, из которых валил дым: из одной – белый, из другой – черный, третья – бездействовала. Утреннее небо над райцентром было ярко-оранжевого цвета.

– Анатолий Игоревич, – прорезался голос у водилы. – А почему теперь по утрам небо оранжевое, а днем – зеленое? Ведь в прошлом году наоборот было.

– Технологический процесс у меня на комбинате теперь другой. Хрень какая-то другая в атмосферу идет, вот оно и окрашивается во все цвета радуги.

– Ясно.

На подъезде к комбинату открылся поистине фантасмагорический пейзаж. В равнинной средней полосе России высились настоящие горы – терриконы отходов, скопившиеся за годы работы химкомбината. Ведь запустили его еще в пятидесятые годы прошлого века. К пикам этих рукотворных гор тянулись на ржавых металлических стрелах ленточки транспортеров. Отходы тонкими струйками стекали на терриконы.

Бахрушин зевнул, опустил стекло и сплюнул за окно.

– Асфальт разбитый, – пожаловался водитель, притормаживая перед выбоиной.

– Зато у нас подвеска мягкая. Эту угробишь, на новую машину посажу, – хохотнул Анатолий. – Все дешевле, чем дорогу ремонтировать.

«Лексус» уже ехал по городу. Гибэдэдэшник, стоявший у патрульной машины с жезлом и радаром, завидев автомобиль владельца химкомбината, тут же отдал честь, хотя и не был обязан этого делать.

– Уважают вас, Анатолий Игоревич, – подобострастно заметил Колян.

– А что ему остается? – Губы Бахрушина расплылись в улыбке. – Если захочу, придется ему со своей полосатой «волшебной палочкой» расстаться. И будет он не «зелень» на асфальте косить, а в обогащающем цеху ишачить, как остальные. До полного и окончательного посинения.

Шлагбаум на въезде в комбинат взметнулся вверх. «Лексус», не сбавляя скорость, лихо заехал на территорию. Бахрушин выбрался из машины, прищурился, взглянув на небо. Теперь оно было оранжевым только на западе, а на востоке отчетливо начинало набирать химический зеленый оттенок. Когда хозяин покинул машину, Колян лениво потянулся на заднее сиденье, достал с него ноутбук и тут же влез в сеть «ВКонтакте».

В приемной Бахрушина уже поджидал его заместитель – Борис Михайлович Гросс. Пожилой мужчина с умными гла-

зами держал на коленях кожаную папку для бумаг. Он встал и кивком поприветствовал хозяина.

– Пошли, Борис, – даже не поздоровавшись, Бахрушин зашел в свой кабинет, плюхнулся в кожаное кресло за огромным столом.

Мягко журчал отфильтрованным воздухом кондиционер. В углу мерно тикали напольные часы-куранты. Их золоченый выпуклый маятник отражал в себе все просторное помещение. В простенках по никелированным стойкам вились вечнозеленые растения.

– Ну, как дела? – Анатолий расслабил узел галстука и растянул воротничок рубашки.

– Во втором цеху успешно запустили процесс горячего синтеза... – начал Гросс.

По взгляду Бахрушина было件нятно, что он слабо представляет себе, что это такое и зачем нужно.

– Ну и хорошо, – наконец проговорил он. – Запускать – не останавливать.

– Конечно, хорошо. Выход обогащенного сульфида увеличится на семь-восемь процентов, – пояснил Гросс.

– С этим проехали. Что там независимые профсоюзники? Мутка с ними какая-то.

– С ними сложнее. У них теперь есть решение облсуда, что мы им должны предоставить помещение на химкомбинате, – Борис Михайлович состроил скорбную мину.

– А хрена в глотку они не хотят? – Бахрушин стукнул ку-

лаками по столу. – Вконец оборзели. Чтобы я им помещение выделил? Мало того что нормальных мужиков подбивают на итальянскую забастовку, так еще и на моих площадях сидеть хотят бесплатно.

– У них решение суда есть, – напомнил Гросс.

– Пусть они его в трубочку скрутят и в задницу себе засунут. Не пускать, я сказал... Ладно, – подобрел Бахрушин. – С ними я по-своему разберусь, если человеческого языка не понимают.

Что означает разобратся «по-своему», оставалось только догадываться. Но зная, что случилось с теми, кто шел поперек желаниям Бахрушина раньше, можно было предвидеть ситуацию. Одному активисту независимого профсоюза по дороге домой проломают голову. Второго в подворотне изобьют до инвалидности. Ну а прикормленная полиция убедительно спишет все это на бытовую хулиганку, да еще и инициатором драки сделают самих потерпевших.

– Значит, и это проехали, – Бахрушин энергично почесал грудь, засунув пальцы в прореху рубашки. – Чешется, бля. Может, какую спирохету подцепил, или, как они там называются?

Гросс деликатно промолчал. О ночных похождениях хозяина он лишь догадывался, но догадывался – определенно. Тикали куранты, мерно раскачивался маятник. Внутри старинного корпуса из мореного дуба что-то щелкнуло, и раздался мелодичный бой.

– Я же говорил, чтоб их больше не заводили, – скривился Бахрушин, удары часов отзывались в похмельной голове пульсирующей болью.

– Их и не заводят, – произнес Борис Михайлович. – Пружина, наверное, отошла сама собой. Вот и бьют.

Удары смолкли, но казалось, что они, загустев, словно в желе, все еще висят в воздухе.

– Есть интересная новость, – таинственно проговорил Гросс и пригладил вальяжную бородку. – Наши люди из министерства мне шепнули.

– Ну и? – без особого интереса спросил Бахрушин, подозревая, что речь пойдет или о производстве, или о заумных экономических материях. Ни в том ни в другом он ни черта не смыслил.

– Объявились инвесторы из Германии. Хотят крупно вложиться в химическое производство по нашему профилю.

– Да таких комбинатов в России только три, – выказал свою осведомленность Анатолий Игоревич.

– В том-то и дело, что мы не монополисты, – напомнил Гросс.

– Ну, с пацанами я договориться всегда могу, чтобы в одну руку сыграть. Мы ж насчет отпускного ценника на готовую продукцию договариваемся, по всей стране планку держим. Перетрем при случае.

– Когда большие деньги на кону стоят, не всегда договориться можно. Дело в том, что немецких инвесторов инте-

ресуют наши отвалы.

– Откаты, что ли? – не понял Бахрушин. – И это не вопрос. Объяснишь им при случае. Я-то немецкого языка не знаю.

– Отвалы, – поправил Гросс. – Терриконы отработанной породы. Они собираются их купить.

– Горы наши? Говно это? А на хрена они им сдались?

– У них технологии новые есть для углубленной переработки.

Бахрушин удивленно смотрел на своего заместителя.

– И они могут купить то, что никому не нужно? То, за что мне приходится миллионные штрафы за экологию платить?

– Именно так, – подтвердил Гросс. – Но, только «могут». Есть еще два комбината с такими же отвалами. А если к ним подадутся?

– Ты, Борис, не чуди. У нас в министерстве все схвачено, они ж у меня с ладони кормятся. Пусть немчуру к нам заворачивают. У меня отвалы самые большие.

– При должном финансировании, думаю, это получится, – Гросс сделал красноречивый жест, словно шуршал невидимой купюрой.

– Боря, займись. Дело ж выгодное. Не поскуплюсь, отстегну и тебе, и твоим дружкам из министерства. Все в шоколаде будем.

– Я переговорю. Узнаю, во что нам это станет, – пообещал Борис Михайлович.

– Не тяни, прямо сейчас и займись.

Гросс поднялся и, преисполненный собственной важностью, покинул кабинет. Бахрушин потянулся, в голове уже «светлело». Он встал, подошел к окну. Фантазмагорический пейзаж с отходами теперь уже радовал глаз.

– Это же сколько бабла под самым носом лежит! – восхитился Бахрушин.

Дверь в кабинет приоткрылась, в образовавшийся зазор просунул голову Колян.

– Анатолий Игоревич, разрешите? – спросил шофер.

– Чего тебе, заходи, раз дело есть.

Водитель проскользнул в кабинет.

– Тут косяк один нарисовался реальный. Мне «ВКонтакте» ссылочку на фейсбук и ЖЖ прислали о ситуации в вашем городе. Разрешите, покажу. Делать что-то надо.

– Валяй.

Колян включил компьютер на столе своего босса, защелкал мышкой.

– Во, смотрите.

Бахрушин сидел перед монитором, читал, кривил губы.

– Ну сучка! – причмокнул он губами. – Надо было ее в том озере и потопить, – в памяти всплыла блондинка и ее глаза, полные ненависти.

– Поздно уже. Делать что-то надо. Счетчик посетителей видите?

– Да уж не слепой. Ты, Колян, слушай сюда. Сделай как обычно делаем, а?

– Постараюсь.

– И только не затягивай.

* * *

Несмотря на то что на небе пылало солнце, мотоциклетная фара ярко светилась. Ларин, когда не было надобности, не лихачил. Знал, что мотоциклисту лучше всего обозначить себя на дороге светом. Так безопаснее и для себя, и для других. Шоссе мчалось под колеса серой асфальтовой лентой. Воздух был наполнен запахом сосен и подсыхающей травы. После душной Москвы это казалось раем.

Чуть притормозив, Андрей свернул на проселочную дорогу. Миновав лесок, он неторопливо покатил по почти пустынным улицам дачного поселка и остановился у калитки. Что делается за высокой изгородью, живописно увитой виноградом, было не рассмотреть. Ларин толкнул калитку и зашел на территорию небольшого, соток на пять, участка. На террасе бревенчатого домика у круглого пластикового стола сидели Павел Игнатьевич Дугин и жгучая брюнетка в огромных солнцезащитных очках.

– Мы тут уже без тебя кое-что обсудили, присоединяйся к дискуссии, – сказал руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти.

– Я тебя снова не сразу узнал, Лора, – Андрей склонился и картинно поцеловал приподнятую над столом женскую руку.

– Стервы отлично умеют перевоплощаться, но только внешне. Внутреннее содержание и мировосприятие у них остается неизменным, – усмехнулась напарница Ларина и сняла очки.

– Вот только глаза их иногда выдают, – улыбнулся в ответ Андрей.

– Глаза стерв не выдают, глаза стерв наглым образом врут. Признайся, что я прелесть.

– Ты произносишь слово «стерва» так, словно это самая высокая похвала.

– При моей профессии так и есть. Ну и интересное «кино» ты у психоаналитика свистнул, – покачала головой Лора. – Кто только к нему не ходит! В чем только не признается. Ужас. Пяти минут просмотра хватит для того, чтобы полностью разочароваться в человечестве.

Ларин подсел к столу. Дугин хитро прищурился.

– Вокруг пусто. Будний день. Соседи на работе. Так что можем поговорить и на улице. Грех в такую погоду в дом с террасы перебираться. Засиделся ты в столице, Андрей.

– Не я выбираю место. Это ваша прерогатива, Павел Игнатьевич, – ответил Ларин.

– Москва, с одной стороны, напрягает своим темпом жизни, но с другой – и расслабляет, – откинулся на спинку пластикового стула Дугин.

– Издалека начинаете, – проговорил Андрей.

– Так легче до сути дойти. Москва – это не настоящая Рос-

сия. Это витрина для иностранцев и дураков. Что-то вроде Западного Берлина во времена существования ГДР. Вот это и расслабляет. Иногда начинает казаться, что люди по всей стране так живут. А заберись в провинцию, сразу поймешь, что татаро-монгольское иго у нас толком и не кончалось. Что люди до сих пор живут в ордынских улусах. Вроде и на машинах ездят, и компьютерами пользуются, но принцип управления чисто феодальный остался, да еще усугубленный крепостным правом. Есть феодал-опричник с выданным ему в Москве-Орде «ярлыком» на правление. Ему позволено грабить земство, ему принадлежит все вокруг. Вот тебе типичный пример такого феодала, – Дугин выложил перед Лариным ту самую фотографию, которую Андрей сам ему недавно и вернул.

– Знакомый типчик, – ухмыльнулся Андрей.

– Вот теперь я могу и раскрыть тебе его инкогнито. Бахрушин Анатолий Игоревич. 1968 года рождения. В прошлом занимался тяжелой атлетикой. Штангист. То, что тебе о причинах его половой проблемы психоаналитик Руднев наплел, – вранье. Пусть он подобные байки своим пациентам втюхивает, мол, тяжелое детство, отчим мать у него на глазах насиловал... На мой взгляд, все дело в том, что Бахрушин, когда был спортсменом, злоупотреблял анаболиками, вот и получил половую дисфункцию.

– Но это не так важно, – заметила Лора. – Важен результат.

– Ты абсолютна права. И подобные эпизоды биографии –

не оправдание тому, чтобы насиловать женщин, – поддержал стерву Дугин.

– Член ему серьезно укоротить надо или, еще лучше, отрезать под самый корень, – мило улыбнувшись, произнесла Лора.

– Успеется, – Павел Игнатьевич поморщился. – Мы серьезная организация и по мелочам размениваться не должны. Бахрушин в девяностые годы забросил спорт. Теперь уже бывший спортсмен заделался одним из видных деятелей местного спортивного движения, бригадиром. Потом понял, куда ветер дует, и легализовался, преступным путем скупил акции местного химкомбината, стал бизнесменом и меценатом, вступил в ряды правящей партии и прочее. Сейчас он губернский истеблишмент, так называемый «уважаемый человек», классический российский вертикальщик. При этом ни в химической промышленности, ни в экономике ни черта не смыслит. За него комбинатом управляет заместитель – некий Гросс. Райцентр всецело зависит от Бахрушина – комбинат практически единственное предприятие, все на нем завязано. Он всем может перекрыть кислород. Полиция прикормлена, суд куплен. При этом плевать ему и на экологию, и на здоровье людей. Бахрушин настоящий феодал, он владелец всего, включая «подведомственный контингент». При том, как ни странно, «контингент», за редким исключением, его по-холуйски любит, мол, «сильная рука», «наводит порядок», «зарплату платят», «тут все стабильно» и прочее,

прочее.

– Даже по Москве знакомая картина, – вставил Ларин.

– Город мог бы жить другой жизнью, но Бахрушин не хочет ничего менять. Перемены для него – смерть. Такие, как он, только в «серной кислоте» и выживают. Это, так сказать, его общественная жизнь. А есть еще и личная.

– Про страсть к изнасилованиям мы уже слышаны, – встряла Лора.

– Тогда сразу перейдем к семейной жизни нашего подопечного, – предложил Дугин. – От первого брака у Бахрушина остался сын Виктор. Двадцатилетний оболтус, который живет с ним. Теперешняя жена, кстати, третья по счету, молодая гламурная дура. Она постоянно закатывает ему истерики по причине неверности, грозит самыми страшными карами. Недавно Бахрушин в очередной раз помирился со своей супругой, исполнил ее давнишнюю мечту: отправил в Москву, где купленный продюсер делает из нее певичку, хотя у этой мадам нет не только мозгов, но и слуха с голосом. Я внятно обрисовал обстановку?

– Вполне. Вот только что от нас требуется? – поинтересовался Ларин.

– Вы должны сделать так, чтобы Бахрушин потерял власть в городе.

– Компромат? Физическое устранение? Или же он должен разориться? – сделала свои предположения Лора.

– Для начала вы должны поймать его с поличным на из-

насиловании, а потом уже им можно будет манипулировать. Для тебя, Андрей, у меня есть отличная легенда, – Дугин положил на стол документы в прозрачном файле.

– И кто же я? – Ларин принялся перебирать бумаги. – Российский линейный продюсер конкурса «Евровидение»?

– Это очень круто, особенно для райцентра. Перед тобой будут открыты все двери, ведь ты, по нашей легенде, едешь по стране, ищешь и открываешь таланты.

– Документы настоящие? – поинтересовался Андрей.

– Ну... Как тебе сказать? Почти. Такой продюсер в самом деле существует, но мне пришлось на время его придержать в одном месте. За ним числятся определенные грехи. А вместо него в городе появишься ты.

– Согласен. А какая легенда у Лоры?

– С ней мы уже обговорили этот вопрос.

– Итак, что мы должны получить в «сухом остатке»? – уточнил Ларин.

– Сперва выполните первую часть задания, потом речь пойдет и о второй, – осторожно ответил любитель конспирации Дугин. – Будем на связи. Понадобится, я вас найду сам.

Павел Игнатьевич прикрыл глаза, словно задремал.

...Мотоцикл летел по шоссе. Лора крепко держалась за Ларина и пыталась докричаться до него через шлем:

– Не хочешь остановиться?!

– Зачем?!

– Там такой симпатичный стог сена! Я люблю сельскую

идиллию.

– Ты же знаешь мои установки. Никакого секса с напарницей!

– Ну и ходи «голодный»!

* * *

Танька торопливо шла по улице, спешила, на ходу разговаривая по мобильнику:

– Да, я немного опоздаю... Начинайте репетицию без меня... Новую песню нашли... отлично... Скоро буду...

Брюнетка сунула мобильник в задний карман джинсов. Таня обычно носила юбки или платья, все-таки ноги у нее были стройные, было что показать. Однако после случившегося на озере решила какое-то время походить в узких, облегающих джинсах. Так она себя чувствовала в относительной безопасности. Прежде чем добраться до ее прелестей, насильнику придется потрудиться. Ведь и сама Таня в тесные джинсы залезала с трудом.

Краем глаза брюнетка заметила, как к бордюру подруливает машина. Она нервно обернулась – ее догонял серебристый «Лексус». Стекло плавно поползло вниз. Танька шарахнулась, узнав водителя лимузина, и бросилась бежать.

– Стой, дура! Нам только поговорить надо.

Танька бежала, ежесекундно оборачиваясь. Колян хлопнул дверцей и побежал следом. Таня с разгону налетела на

фонарный столб. Ойкнула, схватившись за лоб. Водитель уже был тут как тут. Схватил ее за руку.

– Сеструха, базар серьезный есть. Не пожалеешь.

– Пошел ты... урод.

– А я-то тебе чего сделал? – искренне удивился Колян. –

Чего на меня окрысилась?

Танька вырвала руку.

– Отвяжись.

– Ты не злишь, – водила Бахрушина ласково улыбнулся. – Хозяин меня послал. Ну, типа того, чтобы извиниться. Ну, выпил он лишнего. Не сдержался, бухой был, сама видела, вот сперма в голову ему и ударила. Да и сама ты виновата, что юбкой обмахивалась. Провоцировала.

– Бил он меня за что? – взорвалась Танька. – Совсем сумасшедший?

– Ну, получилось так. По-разному получается. Иногда так, а иногда – этак. Ты только кипишь лишний не поднимай. Себе дороже. Ведь знаешь, что ничего хорошего из этого не получится. Менты не за тебя будут. Короче, если жизни радоваться хочешь, молчи. А вот это тебе, чтобы подсластить, если пилюля горькой оказалась.

– Чего подсластить? Ты зачем в сумочку мою лезешь? – не поняла Танька и только потом заметила, что в ее расстегнутой сумочке, откуда Колян только что выдернул руку, зеленеет россыпь долларов.

– Тут десять сотенных хрустов – ровно штука. Купишь

себе чего. Лады?

Танька нахмурилась, ей хотелось запустить этой сумочкой в Коляна.

– Я тебе что, проститутка? За деньги с извращенцем трахаюсь?

Колян пожал плечами и сказал явно подслушанную где-то фразу:

– Все в этом мире имеет свой денежный эквивалент. Где ты еще столько сразу заработаешь? А хозяин мог и ничего не дать, сама понимаешь. Он напортачил, он и откупился. Все справедливо. Того, что случилось, назад уже все равно не открутишь. Бери. Если отдашь, легче тебе не станет.

Тысяча долларов для города была солидной суммой. Этих денег хватило бы, чтобы решить многие Танькины проблемы. Особенно ей запал в мозг посыл Коляна о том, что изнасилование – действие необратимое. Тут он железно прав. Можно было или же затаить обиду, лелеять месть, или же смириться – забыть.

– Все, взяла я твои сраные баксы. Доволен теперь? Исчезни, – Танька резко захлопнула сумочку и попыталась уйти.

Однако Колян вновь схватил ее за руку.

– погоди, не все еще.

– Еще лавешек подбросить мне хочешь? – криво ухмыльнулась Танька.

– Подруга у тебя отмороженная, вернее, ее папашка отмороженный. Никак не успокоится.

– Так что я тебе сделаю? Я – это я. Они сами по себе. Пусть за себя и решают.

– За штуку, которую ты получила, нужно сделать еще совсем немного. Я ж подстраховаться должен. А вдруг ты завтра снова в ментуру попруешься с заявлением?

– Что от меня требуется?

– Просто скажи, что ничего не было. Вот и все.

– Ничего не было, – в растерянности произнесла Танька.

– Не здесь скажешь, а в машине, на камеру. И не так коротко. У меня и текстик приготовлен. Можешь не согласиться, но тогда лавешки возвращай. Все справедливо.

Танька в мыслях уже распределила деньги, успела их «потратить» на разные нужды. Вынимать из сумочки «десять хрустов» и возвращать их было выше ее сил. К тому же она понимала, что привлечь насильника к ответственности у нее не получится никогда и ни при каких условиях. Оставалась, конечно, подруга по несчастью – Наташка, но с ней Танька надеялась договориться.

– Черт с тобой. Только быстро. Я на репетицию опаздываю, – согласилась она.

– Так это ты в ресторане гостиницы поешь? – сообразил Колян. – Я там иногда с пацанами бываю. Свидимся еще. Без обид.

Глава 4

Густо гудели пчелы. Пышно цвели мальвы. На яблонях виднелись завязавшиеся плоды. Перспективу улицы замыкали рукотворные горы отходов химкомбината. На скамейках перед частными домами сидели пенсионерки в халатах и дружно щелкали семечки, не уставая обсуждать жизнь соседей. Окраина райцентра жила своей обычной жизнью.

У приземистого без мансарды дома из силикатного кирпича криво припарковался «Лексус». Следом за Коляном из машины выбрался участковый полицейский.

– Ты только так, для солидности тут побудь. Помаячь перед забором. А я с папашкой-дураком перетру, – посоветовал правоохранителю Колян. Тот согласно кивнул и предупредил.

– Только учти. У него в голове «пуля поперек стала». В Афганистане воевал.

– Знаю.

– Я за последствия не отвечаю.

Колян хмыкнул и вошел в калитку. На крыльце дома стоял седой крепко сложенный мужчина лет пятидесяти пяти с ножницами в руках для подстрижки кустов. На запястье виднелась татуировка «ВДВ. ДШБ. Кандагар». Водила Бахрушина покосился на сельскохозяйственное орудие и мрачно поинтересовался:

– Бабарыкин Павел Петрович?

– Он самый, – мужчина неприязненно смотрел не на визитера, а на участкового полицейского, демонстративно дефилировавшего вдоль забора со стороны улицы. Чувствовалось, что милицию-полицию ветеран войны в Афганистане ненавидит «по определению».

– Дочь ваша, Наталья, дома?

– Нет ее. В чем дело? Вы из полиции пришли?

– Из хуиции, – нагло перешел на развязный тон Колян.

– Ну так, если из хуиции, то и иди себе нах, – посоветовал Павел Бабарыкин.

– Ты что, гад, делаешь? – зашипел Колян. – На хрена ки-пишь в Интернете поднял? Дочку его трахнули! Нашел чем гордиться. Подумаешь, дело большое! С кем не бывает? А шуму, будто его орденом наградили. Людей в городе волнуешь. В таких случаях тихо сидеть надо и не высовываться, сор из избы не выносить. И девчонке стыд, и тебе проблемы.

Бабарыкин резко вскинул руку, схватил Коляна за воротник, притянул к себе, а секатор ткнул в промежность.

– Ты, щенок! Пока такие, как ты, под стол в детском саду ходили да уроки в школе прогуливали, я кровь в Афгане проливал. Ребят из-под огня вытаскивал. Они не за то погибли, чтобы такая мразь, как ты, и твой хозяин Бахрушин воздух отравляли!

Пальцы Бабарыкина сильнее сжали воротник Коляна. Тот уже задыхался, дергался. Участковый решительно направил-

ся к крыльцу.

– Что здесь происходит, гражданин Бабарыкин?

– Ты сам знаешь, что здесь происходит, раз с ним приехал на машине Бахрушина, – негромко проговорил Павел, разжимая пальцы, и повертел перед носом Коляна секатором с разведенными лезвиями. – Отойди, от греха подальше. Ты же погоны офицерские носишь. Не погань их лишний раз... Отойти! – внезапно командно крикнул. – Тебе майор десантно-штурмового батальона приказывает, старлей.

Участковый-старлей машинально попятился, растеряв грозный вид. Павел смотрел в глаза Коляну, тот заморгал, а потом негромко проговорил:

– Я что? Я просто перетереть с тобой приехал, майоришко. Ну да, ДБШ – это круто: «Батарея, огонь!», «Летят самолеты и танки горят!» Но все это в прошлом. А теперь ты никто и звать тебя никак. Со мной повоевать еще можешь, а ты, дурак, против Бахрушина пошел. Его не сковырнешь. Он здесь всему хозяин. Потому и не дергайся. Слюнку зря не трать. Вот тебе мой совет или приказ, считай, как хочешь. Все свои сраные записи в Интернете как можно скорее удалить, дочку не позорить. А за все неудобства вот тебе тысяча баксов от чистого сердца, – Колян положил на узкий подоконник веранды скрученные в трубку купюры, перетянутые резинкой.

– Он деньгами от нас откупиться решил? – криво ухмыльнулся майор-десантник в отставке.

– А чем еще откупаются? Ясное дело, деньгами. Хозяин мог бы и не давать. Честно говоря, не стоит «мочалка» твоей дочки штуки зелени. Но это Анатолий Игоревич так решил. Он щедрый. Я только передать и предупредить приезжал.

– Ну так вот, «передатчик», передай своему хозяину, что в таких делах откупиться можно только кровью.

– Короче, – осмелел Колян, посчитав фразу простой словесной угрозой. – Взял деньги и заткнулся. А то еще что-нибудь похуже с твоей Наташкой случится. Покалечат, например. Дороги, которыми она ходит, узнать нетрудно. И тогда сам виноват будешь, за задницу себя кусать станешь, да только поздно будет. Или дом твой сгорит, даже свидетели найдутся, что загорелся он от шаровой молнии.

Водитель Бахрушина повернулся на каблуках и пошел к калитке. Возле уха что-то просвистело. Сперва Коляну показалось, что это пролетел камень, но, выйдя на улицу, он столкнулся с участковым. Тот стоял у самой калитке, держа на ладони скрученные в трубку деньги.

– Не взял? – откомментировал очевидное участковый.

– Себе же хуже сделал, – Колян взвесил в ладони деньги и опустил их в карман. – Поехали.

«Лексус» уезжал под оживленное перешептывание пенсионеров на лавочках. Даже они были в курсе того, что Наташку изнасиловали – проинформировать старушек постарались дети и внуки, вычитавшие эту новость в Интернете.

– А я и теперь не верю, что это Бахрушин сделал, – шипе-

ла на соседку седая старушка с лицом бывшей учительницы младших классов. – Анатолий Игоревич человек хороший. Плохого никогда не делает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.